

УТРЕННЕГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ПО ДЕЛУ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ЦЕНТРА.

29 января 1937 года.

КОМЕНДАНТ - Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Подсудимый Турок, поскольку вы отказались от защиты, вы имеете право защитительной речи. Желаете воспользоваться этим правом?

~~ТУРОК~~ - Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Ратайчак, желаете воспользоваться правом защитительной речи?

РАТАЙЧАК - Нет, отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Граше?

ГРАШЕ - Отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Серебряков?

СЕРЕБРЯКОВ - Отказываюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Слово имеет защитник подсудимого Пушина - член коллегии защитников Коммодов.

КОММОДОВ - Борьба с советской властью, товарищи судьи, как вы знаете, началась тотчас же после прихода этой власти. Исторически это понятно: свергнутый, разгромленный и опрокинутый класс буржуазии во всех его разветвлениях не мог мириться с отнятым у него положением, с отнятыми привилегиями, возможностью эксплуатации, богатствами и т.д. Он пытался это вернуть. Форма борьбы в это время была вооруженными восстаниями, военными походами царских генералов, поддерживаемых иностранными интервентами и ими вооружаемыми. Борьба была тяжелой, упорной. Молодая советская республика в буквальном смысле кровью себя защищала. Враг был разгромлен. Это имело большие политические, большие и практические

последствия. Победа над вооруженным до зубов врагом сразу расширила круг друзей Советского Союза, она сузила значительно круг его врагов: одни пали, другие бежали, третьи — наиболее совестливые и дальновидные — перешли на сторону Советского Союза. Но остатки разбитого врага не сложили оружия. Они поняли, что выступать в вооруженных войнах уже бессмысленно. Они стали ждать случая и искать новые формы борьбы. Случай им представился. Истерзанная, измученная, израненная в империалистическую войну и походами царских генералов, Россия, оказалась в необычайном хозяйственном прорыве, в необычайной хозяйственной разрухе. Перед новой властью, перед новой республикой стояла тяжелая задача — восстановить эту страну, перевести ее на новые рельсы. Трудности были непреодолимые. На счастье Советской республики у нее был генеральный рулевой ^и Провидец Ленин понял, что надо дать передышку стране, и он ввел так называемую новую экономическую политику. Эту политику контрреволюционеры всех мастей, всех оттенков, всех настроений, восприняли, как сдачу большевиками своих предыдущих позиций, они приняли ее радостно и с большой надеждой — им мерещилось, что под тяжестью исторических трудностей советская власть падет; если не удалось опрокинуть ее силою оружия, то она падет под тяжестью тех трудностей, которые перед ней в то время стояли, или переродиться и не вращет, как органический элемент, во всю хозяйственную жизнь. Отсюда лозунг — внедрять, развивать, укреплять НЭП и ждать благоприятных результатов.

Ошиблись в расчете. Прошли года и через несколько времени хозяйство народное стало на свои собственные ноги и стало поддерживать общественный сектор и народное хозяйство стало отвоевывать одну отрасль хозяйства за другой у промышленности, у НЭП"а, вытеснив из последнего убежища товаропроводящего канала торговлю.

Эти победы сузили круг врагов, расширили круг друзей. Наиболее дальновидные, наиболее честные поняли, что если советскую власть нельзя опрокинуть силой оружия, если народное хозяйство не подломилось под тяжестью исторических, непреодолимо трудных обстоятельств, то следовательно, эта власть корнями своими ушла в гущу народной жизни. Остатки разбиты, остатки не сложили оружия.

К концу ликвидации НЭП"а начались те фракционные выступления троцкистской оппозиции, о которых здесь говорил государственный обвинитель. Я должен сказать, что с самого начала эти выступления троцкистской оппозиции стали точкой приложения всех контрреволюционных сил. Контрреволюционеры всех оттенков оценивали троцкизм не только как надежду на падение советской власти, но и на реставрацию капитализма в том виде, в каком он существовал до революции.

И последний процесс, последний этап борьбы троцкистской контрреволюции, которая является содержанием настоящего процесса, необычайно ярко подтвердил какую правильную оценку контрреволюции дал, в сущности, троцкизм, как таковой.

Многие надеялись, что власть падет в результате внутривластной распри. Я помню, на процессе союзного бюро меньшевиков, подсудимый Соколовский охарактеризовал эти два периода борьбы, в период НЭП"а и в период троцкистских выступлений, как вегетарианскую борьбу, противопоставляя это следующему этапу борьбы, ос-

новой формой которой явилось вредительство. Логический ход борьбы против советской власти дает возможность понять, почему в порядок дня поставлено было вредительство на фронте народного хозяйства.

С каждым месяцем, с каждым днем хозяйство укреплялось, ширилось, углублялось. Враги поняли, если не удалось опрокинуть силой оружия, если хозяйство не надломилось под историческими трудностями, надо искусственным путем задержать его развитие, надо разрушить то что создано. Отсюда появились новые директивы и новая форма борьбы - вредительство.

Вредительство, как форма искусственного разрушения народного хозяйства, причинила, несомненно большой ущерб народному хозяйству. Оно нанесло кровоточащие раны многим участкам этого хозяйства, но организм был силен, эти раны не стали смертельными.

Календарно этот период охватывает приблизительно три-четыре года, ~~и~~ если считать начальным периодом этой формы борьбы шахтинский процесс, а конечным - процесс вредительства на электростанциях в конце 1932 года и начале 1933 года. Я исключаю пока последнюю форму борьбы, о которой я скажу особо.

Конец этого периода борьбы, этот новый этап борьбы, совпал с успехами коллективизации в деревне. И враги и друзья все понимали прекрасно, что коллективизация в деревне это не есть простая смена двух систем обработки земли. Все прекрасно понимали, что коллективизация в деревне меняет весь уклад деревенской жизни. Все прекрасно понимали, что коллективизация выкорчевывает вековые суеверия, ломает традиции, стирает ту накипь, ту плесень, которая в течение многих столетий ложилась на безграмотную и неумытую Россию. Менялось не только лицо земли, менялся не только внешний облик деревни, менялся весь уклад, менялась психология народа. Вот почему этот фронт стал местом ожесточенной борьбы врагов. Борьба вылилась в необычайно жестокие формы террористических актов против общественников, активистов, избачей, удраников, всех тех, кто искренне и преданно был за дело коллективизации. Поскольку изнанка жизни отражается в судебных процессах, я помню много процессов, когда жертвами пали все те, кто той искренне и преданно работал и служил делу коллективизации. Вот те исторические этапы, до последнего, борьбы за Советскую власть, которые были за эти 19 лет.

Какие основные, какие характерные черты этой борьбы? Я бы сказал, их три. Первый - борьба с советской властью не была борьбой настроений или политических оттенков. В этом отношении глубоко был прав тов. Вышинский, когда характеризовал эту борьбу, как борьбу двух систем. Я бы сказал, это борьба двух этапов, это борьба двух мировоззрений и таковой она остается до последнего дня. Это первая, характерная черта и поскольку наиболее активным защитником прежней системы производственных отношений в их худшем выражении является сейчас фашизм, отсюда понятно почему фашизм подал руку трюцкизму, а трюцкизм-фашизму и они заключили союз для совместной эксплуатации, насилия и рабства.

Второй характерной чертой этой борьбы является то, что каждый последующий период борьбы был более циничным и более бесстыдным, чем предыдущий. В этом смысле последний этап борьбы, а я надеюсь, что он действительно будет последним, был самым циничным, самым бесстыдным. Здесь, как в фокусе слились все формы, все виды борьбы, которые были разбросаны на протяжении этих 19 лет. Одним узлом здесь связаны и диверсия и вредительство, шпионаж и террористические акты, сговор с иностранными интервентами и раздел России.

И, наконец, третьей характерной исторической чертой этого процесса является то, что с каждым годом, с каждым побежденным этапом, контр-революция вырождалась, она линяла, она делалась все ничтожней, мельче, хотя более злобной и жестче.

В показаниях Пятакова есть такое место, что Троцкий в 1932г. советовал прекратить массовую борьбу. Это, конечно, не потому, что она не была любя его сердцу. Прожженный демагог наоборот желал этой борьбы.

Но для этого надо массы иметь. Этих масс не было. В ходе судебного следствия тов. Вышинский задал вопрос Сокольникову: на кого вы думали опереться внутри страны в своей борьбе с Советской властью? На какие силы? Сокольников не сразу ответил. Методом исключения он стал отстранять те слои населения, на которые опереться нельзя и что получилось? Он исключил весь рабочий класс, он исключил все трудовое крестьянство, от себя добавлю, он должен был исключить и всю трудовую интеллигенцию. Что остается? Что остается? Сокольников подумал и ответил: мы надеялись на остатки разбитого в деревне кулачества. Вот с чем пришла после многих лет борьбы с Советской властью троцкистская контрреволюция, вот с кем она осталась. Простите за вульгарное выражение, товарищи судьи, она осталась с кулацким охвастьем.

А в это время молодая советская республика, она с каждым годом укреплялась расширялась, богатели и образовалась в могущий Советский Союз и свой 20-тилетний юбилей, я в этом глубоко убежден, Советская республика будет праздновать, как самая сильная мировая держава.

Ну, а Сталинское руководство, против которого и направлена была эта борьба? За эти годы оно сумело сплотить вокруг себя 170 миллионов трудового народа, 170 миллионов, где не менее 100 различных национальностей. Эти 170 миллионов окружили своего вождя такой толщей любви, уважения и преданности, которую не пробить никогда и никому. Никогда и никому.

Я остановил Ваше внимание на этом историческом процессе борьбы с Советской властью совершенно сознательно. Для меня этот аспект имеет большое значение, как для защитника в настоящем деле.

Нужно понять нас. Нам не легко. И если мы, защитники, в этом процессе будем просить вас, товарищи судьи, отступить в отношении того или иного

подсудимого от той высшей меры наказания, которую предлагал государственный обвинитель, то не по мотивам, не по основаниям, лежащим в характере преступления, здесь мы опустошены полностью, не по основаниям, которые могли лежать в личности подсудимого, потому, что в отношении некоторых по политическому двурушничеству, которое проявилось, оно в той или иной форме стирает эту личность не менее, чем преступление, - а по основаниям, которые вытекают из самого факта силы, могущества и мощи Советского Союза. И это основной наш довод в защите. К этому основному доводу защита, в отношении защищаемого мною обвиняемого Пушина, приходит, основываясь также и на его уменьшенном удельном весе в его же собственной организации. Я не могу мириться с тем, чтобы поставить их всех по ~~везде~~ удельному весу на одну доску.

Если бы мне позволили, я бы расположил всех этих подсудимых концентрическими кругами. В центре стоит Троцкий, поддерживаемый достойным сыном достойного отца - Седовым. Первый круг - это все те, которые непосредственно с ним связаны путем ли личных бесед, путем ли переписки. Это все те, кто являлся руководителями параллельного центра; это все те, кто выковывали, перековывали все полученные директивы. Второй круг - это все те, кто непосредственно связан с первым кругом и кто являлся, - я бы характеризовал их, как живые проводники тех директив, которые получались ими из-за границы, или выковывались здесь. Третий круг - это все те, кто связан с лицами второго круга и действительно являлся исполнителем определенных конкретных заданий. Пушкин стоит в этом круге, в этом третьем круге.

Тов. прокуроръ при допросе здесь на суде Пушкина задал вопрос, вопрос защите. Это делает честь об"ективности государственного обвинителя. Он спросил Пушкина: "а знали-ли вы о существовании параллельного центра?". Очень глубокий и значительный вопрос, вопрос с точки зрения нашей, с точки зрения защиты.

Пушкин ответил: "я не знал". И этому можно поверить, потому что ведь ни с кем из них, из главарей, он не был связан непосредственно. Я скажу больше: если по линии служебной он мог еще доходить до Пятакова, то ведь с другими он вообще может быть даже не был знаком. Таким образом все те директивы, которые проводились центром, - он не в курсе их был, а ответственность мы делим в полном объеме. А это не безразличный факт.

Я не знаю, как бы вос-принял Пушкин, который вошел в троцкистскую организацию поздно, в 1934 г., и раньше с ней не имел связи, - как бы он воспринял директиву о разделе России, о продаже ее? Ведь можно идти на большее преступление, на тяжелые преступления, но мож-

но иногда в мыслях своих собственных ужаснуться определенному предложению.

Пятаков и Радек говорили, что когда они получили эту директиву, они хотели сделать совещание своих друзей, чтобы обсудить ее. И вот, если человек, который не в курсе целиком и полностью тех троцкистских настроений, которые олицетворялись этим центром, вот, если бы ему, — пусть вредителю, — сказали эту директиву, а если бы у него заговорило чувство того патриотизма советского, — ведь предлагают разрезать на части свою родину, мать, — может быть в своих собственных мыслях человек отшатнулось бы.

Не забудьте, товарищи судьи, что в том море ужасных злодеяний, которое было здесь, в отношении Пушкина есть еще один просвет. Он не был никаким, не только прямым, но и косвенным путем связан с той директивой, упоминание которой ледянит нашу кровь. Я имею в виду террористические акты.

Ответственность? Ответственность полная. Товарищ прокурор, оглашая вам закон еще с его суровой санкцией сказал, что при смягчающих обстоятельствах есть возможность отступления от той суровой кары, которая, естественно, является по такого рода делам нормальным наказанием.

Мы, защитники, в этом процессе по крупницам в буквальном смысле слова можем собирать все то положительное, что можно положить на счет того или другого подсудимого.

... по крупице, потому в общей сложности может быть эти крупницы дадут вам возможность в совещательной комнате без компромиса судейской советски отступить от вышей меры. И мы должны это сделать по совести, иначе вы вправе нам сделать упрек.

Эти крупницы в деле Пушина я вижу в том, что его удельный вес в троцкистской организации был незначителен. Фактическая сторона дела ясна. Но я должен сказать больше. Я вчера прочитал слова обвинительного заключения. Я прочитал показания Пушина и я увидел, что все то, что составляет содержание и предмет его вины, ~~хв~~ это им самим было дано 22 октября в день его ареста, причем со всеми деталями. Для меня это очень важно. Важно потому, что дело Пушина начинается с его собственноручного письма на имя т. Ежова. Через несколько часов после ареста он написал собственноручное письмо, где указывает, что он сейчас же, не задумываясь, расскажет все, что знает о троцкистской организации, о ее деятельности в химической промышленности. И, действительно, он рассказал об этом, причем рассказал с такими деталями, которые не оставляют никакого сомнения в правдивости, искренности и откровенности эти показания.

Я понимаю, товарищи судьи, что подозрительное отношение, которое у каждого из нас ~~судебных~~ работников, естественно, бывает к показаниям подсудимых, но ведь бывает искренность показаний, которая побеждает подозрения, а в этой области, если эта искренность показаний сопровождается указаниями таких деталей, ~~каких~~ мелочей, которые экспертизой проверены и признаны совершенно соответствующими.

Позвольте мне напомнить Вам один случай. Мы знаем, что в великом строительстве много людей перековывалось. Вот здесь был трагически рассказан случай с инженером Боярциным. Я помню его очень хорошо. Он стоит передо мной как живой на Шахтинском процессе. Он был вредителем, человеком несомненно недожинной способности - не получивши высшего образования, он занимал очень высокое место, по моему мнению, главного инженера Донугля. Он был тогда вредителем. Но вы видели, с какой искренностью, с какой честностью этот бывший вредитель стал прекрасным советским работником. За время процесса я прочитал отзывы о нем его товарищей по работе, которые с понятным ужасом писали о том, чудовищном злодеянии, которое было совершено в Сибири, когда этот бывший вредитель, но честный работник, был в буквальном смысле раздавлен грузовым автомобилем.

Кто знает, может быть то собственноручное письмо, которое в первые же часы после ареста писал Пушкин, те показания, которые он давал, показания подробные и чистосердечные, и явились отголоском того внутреннего перелома, который намечался раньше.

Я позволю указать, что фактически он отошел от работы троцкистов еще осенью 1935 года. Товарищ Вышинский спросил - может быть потому, что вы не получали задания? Ну пусть хотя бы по этому, но ведь он имел возможность проявить собственную инициативу. Он говорит, что когда он в июле месяце 1936 года приехал в Каменский комбинат, то встретился там с Г....., с людьми

Неправлено

28/1
МП-БЧ

В

Шифр

819.

...людьми, которых я же завербовал в троцкистскую организацию, - я только издали, мимоходом, с ними поздоровался, мне не хотелось говорить о вредительстве". Я проверил его показания, и должен сказать - эта версия не была привнесена здесь на суде, она достаточно повторена в его показаниях от 17 января 1937 года. Вы смотрите, до какой точности этот человек показывал. Эта мелочь важна не в том смысле, чтобы установить что-нибудь, в смысле фактического материала, - эта мелочь важна в смысле характеристики искренности, в смысле правильной оценки данных показаний. Товарищ ~~инспектор~~ прокурор спрашивал одного из экспертов: "в чем расхождение между вами и свидетелем Тамм по вопросу о взрыве, о диверсионном акте, который был совершен в ноябре 1935 года на Горловском заводе?". Эксперт указал: Тамм говорит, что за 4 дня до взрыва нарушен был режим, предусмотренный инструкцией, а мы, эксперты, считаем, что этот режим был нарушен за 11 дней. Поднялся Пушкин, который сказал: "Я просил бы удостовериться, что в моих показаниях указано - 10 дней". Это как будто мелочь, но ее надо рассматривать не с точки зрения фактической установки, - ну, не все ли равно, ведь взрыв то был, ведь отвечать придется за этот диверсионный акт, - но эта мелочь характеризует откровенность, а я бы ~~еще~~ добавил - правдивость - показаний. Я проверил, правдив ли Пушкин, делая такое заявление суду, и оказалось, что в протоколе его допроса имеется следующее показание: "... Тамм на следствии показал таким образом, что проверка присутствия ацетилена в жидком кислороде конденсат..... который ~~должна~~ проводится несколько раз в смену, не производилась в течение 10 дней, что вызвало взрыв огромной силы". И здесь, как и 22 октября, он был правдив в своих показаниях. С ноября до дня его ареста прошел почти год, и в этот год ни по линии вредительства, ни по линии передачи сведений - вы не найдете нигде ни одного момента, который бы можно было ему криминализировать. Это - тоже положительный момент. Правда, в море совер-

Неправлено

28/1
МП-ЕЧ

14
8000

820.

шанных преступлений это, может быть, крупница, это капля одна, но ведь таково наше положение сейчас здесь, а эта капля там, в вашей совещательной комнате, ему может спасти жизнь.

Таким образом Вы видите, что его удельный вес был незначителен. Не забудьте, что он находился в это время и под влиянием сильного человека - Ратайчака. В своих показаниях здесь Ратайчак сказал, что он разными методами вербовал различных людей в организацию, а Пушин показал, что метод, которыми Ратайчак завербовал его, состоял в том, что он ему все время напоминал о том благодеянии, которое он ему оказал, когда Пушин попал под суд по ст.ст.109 и 111 Уголовного Кодекса...

... о том, что по служебной линии он двигался благодаря ему и он ему обязан. Кто знает, может быть то, что Пушкин в течение 1936 года не совершал преступлений объясняется тем, что он вышел из-под влияния Ратайчака, уехавши в это время на строительство Рионского комбината.

Суммируя все в отношении Пушкина, вместе с тем основным делом, о котором я вам говорил, я должен подчеркнуть, что он не знал о существовании параллельного центра, он не был в курсе тех директив полностью, которые он проводил. Он не имел никакой причастности к террористическим актам, он оставил фактически работу в троцкистской организации в конце ноября 1935 года, он действовал по заданию Ратайчака, он принес сейчас же искреннее признание, он рассказал правдиво все. Я думаю, вот эта совокупность малых и больших положительных черт дает мне право просить, а вам право, может быть, удовлетворить мою просьбу, отступить от той высшей меры наказания, которую в отношении Пушкина предлагал государственный обвинитель.

Я, товарищи судьи, кончаю свое слово. Свобода не есть предмет вывоза или ввоза. Свобода добывается кровью народа. Но если он ее завоевывает, он с ней не расстается. Безумно думать, что русский народ, завоевавший действительную свободу в Октябрьскую Революцию, отдаст ее кому бы то ни было добровольно, или даже с помощью иностранных интервентов. Такой опыт был, он не удался даже в 1919 году. Мечтать, что это удастся в 1937 году можно только при одном условии - потерять разум, желать этого, значит потерять совесть, а помогать этому, значит потерять и разум и совесть.

Страна негодует, но она спокойна, она спокойна в сознании своей силы и мощи, она спокойна потому, что те кровавые страницы,

которые вписаны троцкистской контрреволюцией в историю борьбы с советской властью, есть перевернутые страницы прошлого и они ни на одну иоту не помешают Советскому Союзу победным маршем идти к тому светлому и радостному будущему, которое всеми нами ощущается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Товарищ Вышинский, желаете воспользоваться ответным словом?

ВЫШИНСКИЙ - Нет, не желаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Переходим к последним словам. Подсудимый Пятаков имеет последнее слово.

ПЯТАКОВ - Граждане судьи, я отказался от защитительной речи потому, что государственное обвинение было правильно в смысле установления фактов, оно было правильно и в смысле квалификации моего преступления. Но я не могу согласиться, я не могу помириться с одним утверждением государственного обвинителя, это то, что я и сейчас остаюсь троцкистом. Да, я был троцкистом в течение многих лет. Рука об руку я шел вместе с троцкистами, но ведь единственным мотивом, единственным, который побудил меня дать те показания, которые я давал, это было желание, хотя бы сейчас, хотя бы слишком поздно, избавиться от своего отвратительного троцкистского прошлого.

И поэтому я понимаю, что свое признание, рассказ о той деятельности гнусной, контрреволюционной, преступной деятельности, которую проводил я и проводили мои соучастники, что он в смысле времени произошел слишком поздно для того, чтобы сделать для меня лично какие либо практические из этого выводы, но не лишайте меня права на сознание того, только на сознание того, что хотя бы и слишком поздно, но я все-таки эту грязь, эту мерзость из себя выбросил. Ведь самое тяжелое, граждане судьи, для меня это не тот приговор, справедливый, который вы вынесете. Это сознание прежде всего для самого себя, сознание на следствии, сознание вам и сознание всей стране, что я очутился в итоге всей предшествующей преступной подпольной борьбы в самой гуще, в самом центре контрреволюции, контрреволюции самой отвратительной, гнусной, фашистского типа, контрреволюции троцкистской.

Было бы неправильно думать, что когда начиналась моя троцкистская деятельность, я знал к чему все это приведет. Было бы неправильно думать, это не уменьшает ни в малейшей степени моих объективных преступных деяний, но было бы неправильно думать, что я субъективно ставил себе контрреволюционные задачи и сознавал в какое болото мерзости, преступлений мы в конце концов придем.

Да, я сделал один раз попытку отойти от троцкизма. Это был 1928-30 г.г. и эта попытка не была доведена до конца. Я не выбросил из себя всех остатков своего прошлого, осталась ядовитая заноза остатков троцкистской идеологии. Осталась заноза, которая сначала не имела больших практических для меня последствий.

Но дальше вокруг этого разрастался тот злокачественный нарыв, который привел меня на путь преступлений, предательства, измены. Этот нарыв вскрыт.

Не думайте, граждане судьи, хотя я и преступник, но я человек, что за эти годы - годы удушливого троцкистского подполья я не видел то, что происходит в стране. Не думайте, что я не понимал того, что делается в промышленности. Я скажу прямо. Подчас, выходя из троцкистского подполья и занимаясь другой своей практической работой, иногда чувствовал как бы облегчение и, конечно, человечески была эта двойственность не только в смысле внешнего поведения, но и двойственность внутри. Я ведь понимал не только то, что делается, я же видел, несмотря на то, что это ни в малейшей степени не уменьшает ни гнусности преступлений, ни их об"ективной значимости, но я же видел, что мы - группка троцкистов, как правильно сказал государственный обвинитель, передовой отряд фашистской контрреволюции, что мы нашими вредительскими деяниями можем хотя бы на иоту действительно изменить об"ективный ход развития промышленности, хозяйства. Не так было. И когда уже к концу 1935 года, к 1936 году мы вплотную подошли, вернее неправильно, не вплотную подошли, а оказались в самой гуще государственной измены, предательства и самой неприкрытой фашистской контрреволюции, когда ясно было и для нас, что мы превращаемся в агентуру фашизма, тогда не только у меня было стремление уйти от этого. Я не нашел в себе ни достаточного мужества, ни достаточной твердости для того, чтобы стать на тот единственный путь, который открывался, это путь добровольного рассказа о своей деятельности, выдача организации и выдача всего того, что я сделал в прошлом, т.е. сделать раньше, чем это я сделал.

МК - АИ

Произошел арест. Арест совершил свою роль положительную в смысле дачи мной исчерпывающих, полных показаний о деятельности троцкизма. Но он сыграл свою роль только в том отношении, что если я раньше пытался неправильным путем как-то выкоробкаться из этой ямы, то арест поставил перед мной дилемму: или дальше до конца оставаться врагом, несознавшимся, нераскрывшимся, оставшимся троцкистом до последнего дня, или стать на тот путь, на который я встал.

Я понимаю, что это не может служить мотивом для снисхождения. Я только посняю суду, что меня в конце концов побудило дать те исчерпывающие показания, которые, я надеюсь, хоть немного помогли разобраться в этом грязном клубке.

Я не стану говорить, граждане судьи, - было бы смешно здесь об этом говорить, - что, разумеется, никакие методы репрессий или воздействия в отношении меня не принимались; да эти методы, для меня лично по крайней мере, не могли явиться побудительными мотивами для дачи показаний.

Не страх являлся побудительным мотивом для рассказа о своих преступлениях; что может быть хуже самого сознания и признания во всех тех преступлениях, тягчайших и вреднейших, которые пришлось делать?

Всякое наказание, которое вы вынесете, будет легче, чем самый факт признания. Вот почему я не мог помириться с утверждением государственного обвинения, что и сейчас на скамье подсудимых, я как был, так и остался троцкистом.

И вот тогда, когда не только я предстали перед советским судом, когда я несу полную уголовную ответственность по советским законам перед советским судом за свои преступления, когда мы отвечаем в полной мере за все свои деяния, - тот во имя которого мы это

делали, по прямым указаниям и наущениям которого мы все это совершали, зная его очень хорошо, я думаю, - не найдет ли чего другого, как отказаться от того, что мы делали вместе с ним и под его руководством, клеветать на нас, лгать, обвинять в трусости и в чем угодно другом.

..... клеветать на нас, лгать, обвинять в трусости и в чем угодно другом. Троцкий ничего другого не сделал. Я знаю его слишком хорошо, чтобы сомневаться в этом. Вместо того, чтобы здесь на суде глаз на глаз опровергнуть или бросить мне эти обвинения, которые он несомненно будет бросать, вместо очной ставки с нами, конечно, легче, проще и безопаснее продолжать свою вредительскую работу.

Меня лично, граждане судьи, это очень мало трогает. Я только глубоко сожалею, что вместе с нами на скамье подсудимых не сидит этот основной преступник, не раскаявшийся, преступник до конца, каким является Троцкий.

Я слишком остро сознаю свои преступления и я не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады.

Через несколько часов вы вынесете ваш приговор. И вот я стою перед вами в грязи, раздавленный своими собственными преступлениями, лишенный всего по своей собственной вине, потерявший свою партию, не имеющий друзей, потерявший семью, потерявший самого себя....

Не лишайте меня одного, граждане судьи. Не лишайте меня права на сознание, что и в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашел в себе силы порвать со своим преступным прошлым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Радек, имеее последнее слово.

РАДЕК - Граждане судьи, после того, как я признал повинность в измене родине, всякая возможность защитительных речей исключена. Нет таких аргументов, которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Человек, который 35 лет провел в рабочем движении, не может смягчать какими бы то ни было обстоятельствами свою вину, когда признает измену родине. Я даже не могу сослаться на то, что меня свел с пути истинного Троцкий. Я уже ^{был} взрослым человеком, когда встретился с Троцким, со сложившимися взглядами. И если вообще роль Троцкого в развитии этих контрреволюционных организаций громадна, то в тот момент, когда я вступал на этот путь борьбы против партии, авторитет Троцкого был для меня минимальным. Я пошел с троцкистской организацией не во имя теорейки Троцкого, гнилость которой я понял во время первой ссылки, и не во имя признания его авторитета вождя, а потому, что другой группы, на которую я был мог опереться в тех политических целях, которые я себе ставил, не было, с этой группой я был связан в прошлом и поэтому я с нею пошел.

Пошел не потому, что я был на этот путь борьбы втянут, а на основе собственной оценки положения, на основе добровольно выбранного пути. И за это я несу полную, исключительную ответственность - ответственность, которую вы будете мерять по букве закона и по тому, что вам говорит ваша совесть судей Советской Социалистической Республики.

На этом я бы мог кончить свое последнее слово, если бы не считал необходимым возразить против освещения процесса (освещения частичного, не в основном пункте), данного здесь, которое не с точки зрения лично моей мне приходится отклонить, а с точки зрения политической. Я признал свою вину и дал полные показания о ней, не исходя из простой потребности

Неправлено

29/1
МП-ЕЧ

23

83

раскаяться (раскаяние может быть внутренним сознанием, которым можно делиться, никому не показывать), не из любви вообще к правде, - прав эта очень горька, и я уже сказал, что предпочел бы три раза быть расклянченным чем ее признать, - а я должен признать вину исходя из оценки общей пользы, которую эта правда должна принести. И если я слышал, что на скамье подсудимых сидят просто бандиты и шпионы, то я против этого возражаю, возражаю не с точки зрения защиты себя, потому что, если я признаю измену родине, то изменял^{ли} я ей в стговорах с генералами, с моей точки зрения человеческой это мало значит и нет у меня профессионального высшего - что допускается предавать с генералами, а не допускается с аге а дело состоит в следующем: процесс этот показал два крупных факта: сплетение контрреволюционных организаций со всеми контрреволюционными силами....

...страны. Это один факт, но этот факт, есть громадное об"ективное доказательство. Вредительство может быть установлено техническими экспертами, террористическая работа состояла в связи стольких людей, что показания этих людей, кроме вещественного доказательства, дают абсолютную картину. Но процесс двуцентрический, он имеет другое громадное значение. Он показал кузницу войны и он показал, что троцкистская организация стала агентурой тех сил, которые готовят новую мировую войну. Для этого факта какие есть доказательства. Для этого факта есть показания двух людей, мои показания, который получал директивы и письма от Троцкого (которые, к сожалению, сжег) и показания Пятакова, который говорил с Троцким. Все прочие показания других обвиняемых, они покоятся на наших показаниях. Если вы имеет дело с чистыми уголовниками, шпиками, то на чем можете вы базировать вашу уверенность, что то, что мы сказали есть правда, незыблемая правда.

Понятно, государственный обвинитель, суд, которые знаю всю историю троцкизма, которые знают нас, не имеют никакой причины подозревать, что мы, неся на спине бремя террора, еще для удовольствия присвоили себе государственную измену. Убеждать в этом вас нет никакой надобности. Надо убедить, во-первых, распыленные, бродящие троцкистские элементы в стране, которые не сложили еще оружия, которые опасны и должны понять, что мы здесь говорим, потрясенные до глубины и говорим правду, и только правду. И надо еще показать всему миру то, что Ленин (я с восторгом повторяю его имя) с этой скамьи) в письме, в директивах для делегации, направляющейся в Гаагу, писал о тайне войны. Кусок этой тайны нашелся в руках сербского молодого социалиста

25

Неправлено.

ВО/ВМ

- 834 -

Гаврилы Принкита, который мог умереть в крепости, не раскрыв ее. Он был сербский националист и чувствовал свою правоту, борясь за эту тайну, которая охраняла сербское национальное движение. Я не могу скрыть эту тайну и взять ее с собой в гроб по той причине, что если я в виду того, что признался, не имею права выступать как раскаявшийся коммунист, то все-таки, 35 лет моего участия в рабочем движении, при всех ошибках и преступлениях, которыми оно кончилось, дает мне право требовать от вас одного доверия, что все-таки эти народные массы, с которыми я шел для меня что-то представляют. И если бы я эту правду спрятал и с ней сошел со сцены, как это сделал Каменев, как это сделал Зиновьев, как это сделал Мрачковский, то я, когда передумывал эти все вещи, в предсмертный час слышал бы еще проклятие тех людей, которые будут убиты в будущей войне и которым я мог моими показаниями дать средства борьбы против готовящейся войны.

Поэтому оспаривают утверждение, что на скамье подсудимых сидят уголовники, которые потеряли все человеческое, я борюсь не за свою честь, я ее потерял, я борюсь за признание правдой тех показаний, которые я дал, и правдой в глазах не этого зала, не общественного обвинителя и суда, которые нас знают, как облупленных.

.....а значительно более широкого круга людей, который меня знал 30 лет и который не может понять, как я мог скатиться. Мне нужно, чтобы они видели убедительно от начала до конца, почему я дал это показание и поэтому, несмотря на то, что отчасти я уже говорил об этой вещи, я принужден дать картину событий и переживаний за последнее время, в первую очередь с момента получения последней инструкции Троцкого. Я должен об"яснить почему решение, принятое в январе, раскрыть все, не было выполнено и должен об"яснить, не мог я этого сделать на моем допросе, ~~почему пришедши в Наркоминдел~~ ^{почему пришедши в Наркоминдел} ~~и почему не исполнив директивы Троцкого~~, хотя бы тогда немедленно я не провел в жизнь это решение. Сомнения государственного обвинителя абсолютно законны. Внешние факты говорят против этого решения и кроме того, государственный обвинитель, который имеет за собой тот факт, что Каменев предпочитал именно как бандит погибать без политической программы, спрашивает себя, почему принять, что здесь есть до конца искренность, до конца сказано правда. Я без всякого янания, моя личность играет здесь минимальную роль, должен во-первых назвать личные моменты, которые меня облегчили, что я раньше других и решительнее внутренне воспринял эту декабрьскую директиву Троцкого, как финал, как конец, как необходимость рвать. Это были личные причины. Часть моих сообвиняемых вернулись на путь борьбу, как убежденные троцкисты, стоящие на точке зрения перманентного отрицания возможности построения социализма в одной стране. Я вернулся, разуверившись в этой концепции Троцкого, вернулся, смалодушничал перед трудностями социализма в 1931-33г. Это показывает только, что признать строительство социализма теоретически легче, чем иметь ту силу и стойкость, которая воспитывалась ^{только} у тех людей, которые шли в партией без борьбы с глубочайшим внутренним сознанием. Сама теория при недоверии руководящему кадру, или недостаточном доверии, ^{при} недостаточности ~~ее~~ связанности с кадрами, она была мертвой буквой, она была теоретической точкой зрения, а не практической. На этом я спотнулся и пошел обратно в это подполье.

21

И на этом пути я сразу стал предметом обмана. Я об этом говорю не для того, чтобы уменьшить эту вину, ~~а потому~~, что этот обман я увеличил, удесятерил по отношению к нашим рядовикам, а для того, чтобы вы поняли те личные элементы, которые мне облегчили понять необходимость поворота.

Когда я входил в организацию, Троцкий в своем письме не заикнулся о захвате власти. Он чувствовал, что эта идея мне будет казаться черезчур авантюристской. Он подхватил только мое глубокое беспокойство и то, что я могу в этом состоянии решиться присоединиться, а позже все уладится. И ^{когда} в разговоре с Пятаковым в декабря 1932 г., он мне сказал, что-ты, что-ты, дело идет о государственном заговоре, то эта была в самом начале первая трещина.

В сентябре 1933 года РОММ привез мне письмо Троцкого, в котором как бы само собой понятно говорилось о вредительстве. Снова - и РОММ в показаниях своих говорит, что я был неслыханно ошарашен. Почему? потому что, когда я вел переговоры, мне ни звука не сказали о вредительстве и не сказали не случайно. Знали, что после периода борьбы с вредительством, после раскрытия всей его отвратительности, я могу на этом сорваться. И поэтому это было скрыто для меня. И когда снова Пятаков мне раскрыл эти вещи, то я понятно знал: двери захлопнулись. Смешно начинать по этому поводу распри. Но это была вторая трещина.

И наконец, когда после директивы Троцкого 1934 года я, пересылая ему ответ центра, добавил от себя, что согласен на зондирование почвы, сами не связывайтесь, обстановка может измениться. Я предлагал: пусть переговоры ведет Путьна, имеющий связи в руководящих военных японских и германских кругах. И Троцкий мне ответил: "мы не свяжемся без вас, никаких решений не примем". Год молчал. Через год поставил нас перед фактом своего сговора. Вы поймите, что это не есть моя добродетель, что я против этого восставал. Но это есть просто факт, чтобы вы поняли.

И какая картина передо мной? Первый этап. Киров был убит. Годы террористической подготовки, десятки бродячих террористических групп, ждущих наавось чтобы ухлопать одного из руководителей Партии и результаты террора лично для меня были - утрата человеческой жизни без всяких политических последствий для нас. Для группового террора мы заполучить в Москву нужных нам руководителей и организаций, это показывало состояние сил террористических организаций. А, с другой стороны, я же был достаточно близок к правительству и руководящим кругам партии, чтобы знать, что не только меры предосторожности органов безопасности, но народные массы настолько стали бдительны, что идея, что можно повалить ~~взвзв~~ о земь советскую власть террором, даже с помощью самых преданных, отчаянных террористических групп, что это есть утопия, что можно пожертвовать человеческими жизнями, но это не может свалить советскую власть.

Вторая сторона дела. Я видел, что Троцкий сам потерял веру. Первый вариант был прикрыт: "ну-ка, мальчики, попробуйте своими силами, без Гитлера, сводить советскую власть. Что, не можете? Попробуйте сами получить власть. Не можете?" Сам Троцкий уже чувствовал свое полное внутреннее бессилие и ставил ставку на Гитлера. Теперь, ставка на Гитлера. Старые троцкисты исходили из того, что невозможно построение социализма в одной стране, поэтому надо форсировать революцию на Западе. Теперь им преподносят: на Западе никакая революция невозможна, поэтому разрушайте революцию в одной стране, разрушайте социализм в СССР. А то, что социализм в нашей стране построен, этого никто не может не видеть.

Второе - поражение.

Неправлено

29/1.

Стен.О.
Маш.АИ.

В сентябре 1937 года Р

Я мало-мальски военно грамотный человек и могу оценить международную обстановку, и для меня было ясно: период, в котором я при моей склонности к пессимизму, - считал неизбежным поражение, гибель, - есть все шансы на победу этой страны, и что раньше маскировал перед собой, что он пораженец по необходимости, чтобы спасти то, что можно спасти, - тот должен себе сказать: я, - предатель, который помогает покорить страну, сильную, растущую, идущую вперед, для каких целей? Для того, чтобы Гитлер восстановил капитализм в России.

Все то, что говорил общественный обвинитель о реставраторском характере не только директив Троцкого, но всей работы троцкистов, - это есть правда, которой не подкачаешь. Сами директивы были директивами на полное восстановление капитализма, и эти директивы не упали с неба; они подытожили то, что если люди стреляют в штаб революции, если люди подрывают народное хозяйство, то они подрывают социализм, а раз так, то они работают на капитализм. И эта правда - основная правда, имеющая решающее значение для оценки троцкистов, как общественного течения и это не закрывает общественному обвинителю глаз на это. Наоборот, это указывает, что мы с этой платформы не могли прийти со своими собственными сотрудниками даже до какого-то кадра в 100 человек. Если это государственный обвинитель признает, - а он это полностью признает и даже считает, что мы не созвали даже совещания, которое решили созвать для выяснения, - что даже близкие наши кадры не признают такой постановки, это показывает, что троцкисты, эта группа людей преступных, окровавленных кровью одного из вождей революции, сотворивших неслыханно много дел, в своей ставке реставрацию все-таки просчитались.

ничего
Когда люди в борьбе с шорами идут, перед собой не видят, они могут делать и делают вещи, имеющие страшные последствия и значение

Но когда, вы, судьи, всякого из них особо будете оценивать, - а вы не можете иначе поступать, - вы не можете этого не учесть.

Товарищи судьи...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый Радек, ~~идущий~~ не "товарищи судьи", а граждане судьи.

РАДЕК - Извиняюсь, граждане судьи, я должен сказать теперь закулисную сторону этого совещания, которое мы хотели созвать. Серебряков был полностью прав, когда сказал, что не было решения. Именно совещание было созвано для того, чтобы решить. Почему оно не состоялось? Почему это собрание не состоялось, что скрывалось за кулисами этого собрания, почему я даже человеку, так мне близкому, как Бухарин, который знал ведущийся контакт с представителями западно-европейских и восточных держав, - не сказал о декабрьской инструкции и не сказал о свидании Пятакова с Троцким?

Я буду об этом говорить, потому что это может иметь в дальнейшем практическое значение, и если ответить на вопрос, не осталось-ли еще что-нибудь скрытого.

Я думаю, что да, что осталось скрыто и от нас, и от властей, а может быть и открыто. Ясна уже была для меня самоликвидация террористической организации, - это нонсенс. В этой троцкистской организации есть люди разные, разных оттенков и, как оказалось, люди связанные непосредственно с разведками. Я этого тогда не знал...

32

29/1

Я не мог не допускать, что вокруг нас что-то крутится. И в тот момент, в который мы выпустили бы из рук этих четырех людей, эту тайну, в этот момент, мы уже не в состоянии были никоим образом овладеть положением.

Я несколько возвращусь к фамилии Дрейцера. Государственный обвинитель говорил, что мы вернемся к этой фамилии и я вернусь к ней в одном контексте, который здесь не разбирался.

Когда Дрейцер в продолжении 7-8 месяцев не появлялся в Москве, я мог думать, что это есть конспирация. Но когда, ~~когда~~ Дрейцер не явился в январе и получив от меня призыв приехать на совещание, приехал в Москву и не явился ко мне, он был в Москве в 1935 году и не явился, - то для меня стало ясно, что Троцкий, на основе той переписки, которую имел с нами, видя отпор Пятакова и сомнения наши насчет пораженческой линии, - что он создает наравне с параллельным центром какую-то новую чертовщину. Я это вижу в том, что Дрейцер в 1935 году прошел мимо нас.

Когда я прочел материал процесса об об"единенном центре, то там не было ни одного факта, который мне был бы известен, который прошел бы мимо других. Это означает, что тут действовала какая-то третья организация.

И, наконец, когда Пятаков вернулся из заграницы, он бросил мельком о разговоре с Троцким, что Троцкий ему сообщил, что создаются кадры людей неразвращенных Сталинским руководством. Но когда я прочитал об Ольберге и спросил других - знает-ли кто о существовании Ольберга - то об этом никто не знал и для меня стало ясным, что Троцкий создает здесь, помимо кадров, прошедших его школу, организацию агентуры, прошедшую школу германского фашизма. И я непосредственно нашел ответ этому, когда, когда встал вопрос о совещании. Для меня было ясно, что ежели Дрейцер узнает о том, что мы ~~ни~~ поставим вопрос о директивах Троцкого в такой плоскости, что это может привести снова к расколу, как в 1929 году, то раньше, чем мы поставим этот вопрос, нас уже не будет не потому, что Дрейцер плохо к нам от-

носился, но потому, что он был вернейшим человеком Троцкого и он имел непосредственно более тесную связь с ним помимо нас. Поэтому я не мог никак говорить людям о собрании. Когда мы им скажем, начнутся аресты, собрать их не было возможным.

Знал-ли я до ареста, что это кончится именно арестом? Как я мог не знать об этом, если был арестован заведующий организационной частью моего бюро - Тивель, если был арестован Фридлянд, с которым за последние годы я очень часто встречался. Не буду называть других фамилий, я могу назвать еще десяток фамилий людей, которые часто встречались со мной. Я тогда не мог ни на одну минуту иметь сомнения в том, что это дело окончится в Наркомвнуделе. И тогда я должен был ответить на вопрос - почему я вместо каких то совещаний не обратился к партии, не обратился к власти, а если я этого не сделал до ареста, то почему не сделал в момент ареста. Ответ на этот вопрос очень простой. Ответ состоит в следующем. Я был одним из руководителей организации. Я знал, что советское правосудие не есть мясорубка, что есть люди разной степени вины среди нас, что мы - руководители - должны головой ответить за то, что делали. Но что есть значительная прослойка людей, которую мы свели на этот путь борьбы, которая не знала основных, я бы сказал, установок организации, которые в ослеплении брели вперед.

Когда я ставил вопрос о совещании, то я хотел размежевания, чтобы отделились те, которые хотели идти до конца, тех можно выдать в руки даже связанных, - а тем другим дать возможность уйти и дать возможность самим заявить о своей вине правительству.

Когда я очутился в Наркомвнуделе, то руководитель следствия сразу понял почему я не говорил. Он мне сказал: "Вы же не маленький ребенок! Вот вам 15 показаний против вас, вы не можете выкрутиться и, как разумный человек, не можете ставить себе эту цель; если вы не хотите показывать, то только потому, что хотите выиграть время и присмотреться. Пожалуйста, присматривайтесь". В течение $2\frac{1}{2}$ месяцев я мучил следователя. Если здесь ставился вопрос, мучали ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу. В течение $2\frac{1}{2}$ месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл. Продолжалось это $2\frac{1}{2}$ месяца. И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: "Вы уже — последний, зачем же вы теряете время и медлите, не говорите то, что можете показать?" И я сказал: "Да, я завтра начну вам давать показания". И показания, которые я дал, с первого до последнего, не содержат никаких корректур. Я развертывал всю картину так, как я ее знал, и следствием могло корректировать ту или другую мою персональную ошибку в части связи одного человека с другим, но утверждаю, что ничего из того, что я следствию сказал, не было опровергнуто и ничего не было добавлено.

Я признаю за собою еще одну вину: я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал, положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу, была та же самая. Но я с ним — близкие приятели, ^а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы; я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания

Неправлено

29/1
МП-БЧ

35
844.

советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в Нарком-
внудел. Я, также как и в отношении остальных наших кадров, хотел, чтобы
он мог сложить оружие. Это об"ясняет, почему только к концу, югда я
увидел, что суд на носу, я понял, что не могу явиться на суд, скрыв
существование другой террористической организации.

И вот, граждане судьи, я кончаю это последнее слово следующим.
Мы будем отвечать по всей строгости советского закона, считая, что ваш
приговор, какой он будет, справедлив, но мы хотим вынести его как соз-
нательные люди. Мы знаем, что мы не имеем права говорить массе, - не
учители мы ей. Но к тем элементам, которые с нами были связаны, мы хо-
тим сказать три вещи:

Первая вещь: троцкистская организация стала центром всех контр-
революционных сил...

Неправлено.

- 845 -

... правая организация, которая с ней связалась и была на пути слияния, является тем же самым центром всех контрреволюционных сил в стране. С этими террористическими организациями государственная власть справится, в этом мы не имеем, на основе собственного опыта, никакого сомнения. Но есть в стране половина, четверть, одна восьмая троцкистов, людей, которые нам помогали, не зная террористической организации, но симпатизируя нам, люди, которые из-за либерализма, из-за фронда партии, давали эту помощь. Этим людям мы говорим, - когда раковина оказывается в стальной это еще не так опасно, но когда раковина попала в винт пропеллера, может быть авария, - ~~мы~~ мы находимся в периоде величайшего напряжения, в предвоенном периоде. Всем этим элементам перед лицом суда и перед фактом расправы мы говорим, кто имеет малейшую трещину по отношению к партии, пусть знает, что завтра он может быть диверсантом, он может быть предателем, если эта трещина не будет старательно заделана откровенностью до конца перед партией.

Второе, - мы должны сказать троцкистским элементам во Франции, Испании, в других странах, а такие есть, - опыт русской революции сказал, что троцкизм есть вредитель рабочего движения, мы их должны предостеречь, что они будут расплачиваться своими головами, если не будут учиться на нашем опыте.

И, наконец, всему миру, всем, которые борются за мир мы должны сказать: троцкизм есть орудие поджигателей войны. Сказать это твердым голосом, ибо мы это узнали, мы это выстрадали, нам было неслыханно тяжело в этом признаваться, мно это исторический факт, и мы за правду этого факта уплатим головой.

Вот все, что мы, что я лично хотел бы сказать, чтобы та ответственность, которую я буду нести, не была физической ответст-

венностью, а принесла бы хотя бы маленькую пользу.

Мы, и я в том числе, не можем требовать никакого снисхождения, не имеем никакого на это права, и я не говорю, тут никакой гордости нет, какая тут может быть гордость... Я скажу, что не нужно нам этого снисхождения. Жизнь в ближайшие годы, когда будет решаться, пять-десять лет, судьба мира, имеет смысл в одном случае, когда люди могут принимать участие хотя бы в самой черной работе жизни. То, что было - это исключает, и тогда снисхождение было бы только ненужным мучением. Мы довольно спетая компания между собой, и когда Николай Иванович Муралов, ближайший человек Троцкого, о котором я был убежден, что он померет в тюрьме и не скажет ни одного слова, когда он дал свои показания и мотивировал их тем, что не хотел помереть в сознании, что его имя может быть знаменем для всякой контрреволюционной сволочи, то это есть самый глубокий результат этого процесса.

Мы до конца осознали, орудием каких исторических сил были. Очень плохо, что при нашей грамотности мы это так поздно осознали, но пусть это наше сознание кому нибудь послужит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Перерыв на 20 минут.

38

КОМЕНДАНТ СУДА: Прошу встать, суд идет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прошу садиться. Заседание продолжается. Подсудимый Сокольников, вы имеете последнее слово.

СОКОЛЬНИКОВ: Я хочу воспользоваться своим последним словом не для того, чтобы отвергать или опровергать какие-нибудь данные следствия обвинительного заключения и государственного или выводов обвинителя. Я признал свою вину и свои преступления на предварительном следствии, полностью признаю их здесь и не имею к ним ничего добавить. Я хотел бы только просить суд верить мне в том смысле, что ничего мною не скрыто, что сказанное мною не пол правды, а сказана вся правда. Я это говорю потому, что во вчерашней речи государственного обвинителя было указание на то, что такие факты бывали и поэтому я считаю себя обязанным это подчеркнуть и подчеркнуть как раз в той связи, о которой говорил государственный обвинитель. Он упоминал о том, что на процессе об"единенного центра обвиняемыми была скрыта политическая платформа троцкисте-^{ско}зиновьевского блока. Мне в своих показаниях пришлось пополнить этот пробел. Я не считал возможным сохранять в этой части какую-нибудь ^{не} договоренность и все то, что было мне известно о политической платформе блока, было мною на следствии сообщено.

Каково было мое собственное отношение к этой платформе и каким образом я оказался борцом за нее, хотя в своем прошлом в течение долгих лет, многих лет, выступал как верный член партии? Чтобы об"яснить это, я должен сказать, что в моих выступлениях в 1925 и 1926 году, несомненно, уже содержались все основные элементы программы капиталистической реставрации. Тогда мои выступления встретили уничтожающую критику на XIV С"езде партии, встретили отпор всей партии. Это меня на известное время образумило. Но я должен признать, что я не отделился полностью от тех взглядов, которые я высказывал тогда и в 1932 г. я стал рецидивистом.

Я вернулся полностью к этим старым установкам и начал вновь борьбу за эти установки. Какие моменты определяли это обстоятельство? Моментом этого было то, что к этому времени, к 1932 году все основные оппозиционные антипартийные группки сошлись на общих позициях. Восстановился тесный союз зиновьевцев и троцкистов на основе программы правых и с правыми был установлен в 1932 - 33 году теснейший контакт, хотя они не вошли формально в тот момент в блок, а вошли позднее. И вот то обстоятельство, я должен сказать, для меня играло большую роль. И в 1932, и в 1933 и позднее в 1935 году, то обстоятельство, что правые и центр правых, которые в наиболее развернутом виде, наиболее последовательно защищали, (может быть не наиболее последовательно, но последовательно) защищали установки капиталистической реставрации, ставку на кулачество, борьбу против индустриализации, борьбу с коллективизацией, то, что правые включались в борьбу - это обстоятельство имело большое значение и для меня. И позднее, в 1935 году - я показал это на предварительном следствии и здесь на этот счет нужно упомянуть - в 1935 году, когда параллельный центр начал возобновлять свою работу, огромное значение имело то, что в этот момент правые в лице Томского, который был на это уполномочен всей центральной группой правых, дал свое согласие на вхождение в блок. Это чрезвычайно значительно укрепляло позиции блока, это открывало действительные возможности борьбы и это подталкивало параллельный центр. Это, в частности, имело значение и для меня.

Каким же образом все-таки от этой программы, которая при всей своей антипартийности, при всей своей полной противоположности социалистической программе, каким образом от этой политической программы мы пришли вот к той практике, которая привела параллельный центр, поставила параллельный центр в положение вождя авантюристской группки, как вчера эту группку еще беспощаднее характеризовал государственный обвинитель. Есть ли тут/

противоречие между фактом характером программы, между фактом этой политической программы, которая была, как ни-как программой политической организации и формами той деятельности, преступными, гнуснейшими, до которых дошел параллельный центр? Я считаю, что я должен об"яснить хотя бы в двух словах это. Первое об"яснение здесь заключается в том, что самый характер этой программы, самый характер программы восстановления капитализма, предлагаемый в социалистической стране, не мог не означать собой ничего другого, кроме голой авантюристической практики.

ИЖ - АИ

И второй момент. Связав себя этими установками, поставив себе эти цели капиталистической реставрации, блок оказался во власти того, что называется логикой борьбы. Эта фраза широко употребляется, но в таком виде она, конечно, обща. Вот как у нас это было, что представляла собой наша логика борьбы, которая связана с железной необходимостью членов параллельного центра, их тащила со ступеньки на ступеньку.

Я думаю, что я не должен тут говорить об отдельных фактах, которые были уже оглашены на предварительном следствии, на судебном следствии и хорошо известны вам, граждане судьи. Я думаю, что тут надо вкратце охарактеризовать для вас, для всей страны, для всех тех, кто может быть колеблется, мог-бы стать преступником, мог-бы начать антисоветскую борьбу.

Надо сказать, что начав с антипартийных взглядов, мы оказались в необходимости бороться против социализма, мы оказались на позиции борьбы с нашей партией, противопоставили себя всем народным массам, которые шли вместе с партией.

Наша программа антипартийная, антисоциалистическая. Поэтому немедленно развернулась, оказалась программой антинародной. То, что здесь говорил вчера государственный обвинитель, это же правильно. Эту программу мы не могли никому сказать, кроме своих ближайших членов центра. Мы ее даже не решились записать в одном документе, не решились ее распространять, потому что одно разоблачение такой программы уже означало-бы банкротство нашего блока.

Наша программа была антинародной. Мы не могли опираться на массы. Значит, следующий шаг был тот, что мы должны были переходить - и попытка такая была - к заговорническим методам борьбы. Кроме за-

говора, другого оружия у нас не оказалось в руках. Никакие возможности массовой борьбы не были для нас открыты. Но и для заговора-то у нас своих собственных средств не оказалось достаточно. Даже для заговора. Если бы могли рассчитывать на то, что наши преступные планы, программы поддержат хоть в стране какие-то группы заговорщиков, которые могли-бы представить из себя какую-то внутри страны угрозу для существования советской власти, для существования советского строя,- может быть у нас развилась-бы заговорническая тактика,- такие примеры уже бывали. Но мы и для заговора-то не нашли сил достаточных и мы должны были искать силы, союзников, вне нашей организации и вне нашей страны. Мы должны были искать любых союзников, которые нам подворачивались, а подворачивались нам те, которые были злейшими врагами тех, с которыми мы начали борьбу.

Так мы от заговора перешли к авантюрам и от авантюр этих немедленно попали в фашистскую волчью яму, потому что союзников нашли в фашистской организации, а они схватили нас и мы стали их игрушкой.

Вот конкретно что значит, как можно представить себе, как мы сейчас его представляем, как мы сейчас его понимаем,- я думаю, ^{что} и другие участники параллельного центра, и организации,- мы все смотрим на это дело одинаково.

43

Мы воображали, что мы сможем использовать враждебные силы, а на самом деле мы оказались совершенно беспомощной, презренной и подлейшей игрушкой в их руках. Но я должен сказать, что когда летом 1932 года я давал свое согласие на то, чтобы войти членом в запасный центр, я, конечно, не представлял себе всей той картины... Я не знаю, может быть это представляет какой нибудь интерес, какое нибудь значение для суда в данный момент, но факт был именно таков. Конечно, всей этой картины я себе не представлял, как развернется все это, я себе не представлял, что будет делать запасный центр, я себе не представлял. Я себе не представлял и того, что силы наши окажутся так ничтожны и что это полнейшее ничтожество наших сил - оно приведет к бесславию, позорному концу нашей политики, уничтожению и падению.

Конечно, я думаю, никто не предполагает, что в течение этих лет борьбы, ну, скажем, я не испытывал некоторых колебаний, не участвовал в этой борьбе с внутренним надломом, с внутренними трудностями. Это все было, это так было. Но я должен сказать, что, конечно, пока эта борьба шла и я, я думаю, и другие члены центра - были охвачены каким-то безумным азартом этой борьбы и мы шли со ступеньки на ступеньку, рассчитывая, что будет, так сказать, какой-то успех...

Несмотря на эти колебания, несмотря на то, что ^{для} каждого из нас, из участников центра, из участников организации, конечно, оставалась, говорила о себе, давала о себе знать его вторая душа в хорошем смысле слова я это говорю, т.е. та душа, которая воспитана была в нем его прежней революционной работой, до его падения, ослепления и омерзения.

44

Я хотел бы сказать еще, граждане судьи, что будучи арестован, будучи поставлен в известность о тех данных, которыми следствие располагало о существовании параллельного центра, я понял, что это есть полнейшее поражение, т.е. что полнейшее поражение блока наступило. Но первым моментом, который толкнул меня на то, чтобы дать показания, признать свою вину, - было именно то, что я понял, что это - момент конца деятельности блока, что попытки сохранения каких-то остатков этого блока и т.д. могут привести только к дальнейшему, еще худшему загниванию, что это полная бессмыслица и что нужно иметь мужество признать свое поражение и держать ответ за то, что сделал для того, чтобы, конечно, по возможности исправить то зло, которое было сделано. Но к этому я пришел в ходе следствия, тем более, что в ходе следствия я ознакомился с рядом материалов о работе организации, о которой я, в качестве члена центра, по конспиративным условиям вообще полной информации не имел, как никто из остальных членов центра не имели полной информации, и я должен сказать, что и рядовые участники блока и даже некоторые видные периферийные участники, они, хотя конечно, не знали всего.

Но и мы, участники центра, тоже не все знали. Мы были по конспиративным условиям один от другого разобщены, разрознены. И, конечно, я не могу не сказать: то, что мне следствие показало о деятельности нашего блока, о том, во что превращаются наши директивы (я не отрицаю — мы отвечаем за эти директивы), — что из этого получилось, какая грязь, какая гнусность, какой политический разврат... Я не могу не ужаснуться этой картине, картине наших преступлений. И естественно, что с тем большей искренностью, с тем большим желанием я сам шел на полное раскрытие всей деятельности нашей организации, для того, чтобы положить ей конец.

Граждане судьи, я не буду затягивать своего слова, мне остается сказать очень немногое. О роли Троцкого в работе организации я ничего добавить не могу к тем сообщениям и оценкам, которые были здесь сделаны участниками центра Пятаковым и Радеком. Я думаю, что эти оценки были сделаны достаточно прямо, и я целиком их разделяю. Но добавить от себя что либо я тут не могу, потому что непосредственно с Троцким я не сношлся, связан с ним непосредственно не был, так что получал информацию из вторых рук.

Вчера государственный обвинитель, гражданин прокурор закончил свою речь тем, что мы все сидящие в этом зале в качестве обвиняемых, заслуживаем смертной казни. Я не могу спорить, не имею для этого никаких оснований — против заключения государственного обвинителя; такое заключение, конечно, минимально обосновано. Но я хотел бы сказать, что мне думается, что уже данными обвинительного заключения, данными следствия и даже вчерашним выступлением государственного обвинителя мы уже политически убиты и погребены. Я высказываю свое убеждение или, во всяком случае, надежду на то, что не найдется больше ни одной руки в советской стране, которая бы попробовала взяться за древко троцкистского знамени. Я думаю, что и в других странах троцкизм разоблачен этим

Неправлено

МЦ/ЕЧ

46
856.

процессом, сам Троцкий разоблачен, как союзник капитализма, как под-
лейший агент фашизма, как поджигатель мировой войны, которого везде
будут ненавидеть и преследовать миллионы.

Я думаю поэтому, что постольку троцкизм, как контрреволюционная политическая сила, перестает существовать, окончательно разбит, я думаю, что я и другие обвиняемые, все обвиняемые, могут все же просить вас, граждане судьи, о снисхождении. Я не вижу в этом ничего ни невозможного, ни зазорного для себя и для других участников процесса, конечно, каждый из нас имеет в этом деле свою, индивидуальную долю ответственности. Я не сомневаюсь в справедливости, в полном беспристрастии Верховного Суда Союза, я думаю, что все то, что может быть найдено в качестве смягчающих вину обстоятельств, в качестве таких моментов, которые могут вызвать снисхождение, в деле других ли участников, в моем ли деле, я не сомневаюсь в том, что суд взвесит все- это, поэтому я от себя каких либо моментов, которые, как мне казалось, говорят о возможности снисхождения приводить не буду, повторяю, я жду справедливого решения Верховного Суда. Но если говорить не об индивидуальной ответственности, а говорить об общей ответственности обвиняемых, то я повторяю, я думаю, что троцкистская организация, что троцкизм убит, стал ненавистным для масс, погребен, не сможет подняться. Я думаю, что это обстоятельство может быть судом рассматриваемо как момент для снисхождения и, повторяю, я обращаюсь с этой просьбой о снисхождении к суду и через суд обращаюсь ко всему нашему народу, которому открыто приношу свою повинную.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово имеет подсудимый Серебряков.

СЕРЕБРЯКОВ - Я воспользовался- последним словом подсудимого не для защиты. Я хочу здесь сказать, что целиком и полностью признаю справедливость того, что вчера гражданин Прокурор говорил о моих тягчайших преступлениях против родины, против страны Советов, против партии. Тяжело сознавать, что я, вошедший с

48
BO/VM

Неправлено.

- 858 -

ранних лет в революционное движение и прошедший два десятка лет честным и преданным членом партии, стал в итоге врагом народа и ~~виждия~~ очутился вот здесь, на скамье подсудимых. Но я отдаю себе отчет, что это произошло потому, что в свое время, совершив политическую ошибку и проявив упорство в ней в дальнейшем, усугубил эту ошибку, которая, по неизбежной логике судьбы, переросла в тягчайшие преступления. Для меня, конечно, это поздний вопрос. Но это может быть уроком для всех, кто до конца не сознал, что упорство в своей ошибке при оставании в партии неминуемо приводит к тому, к чему меня привело.

49

Я давал искренние показания на следствии и на суде, потому что я действительно решительно и окончательно порвал с контрреволюционным бандитизмом Троцкого и троцкизма. Поэтому прошу суд поверить ^в мою искренность и в своем решении это учесть и принять во внимание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Последнее слово имеет подсудимый БОГУСЛАВСКИЙ.

БОГУСЛАВСКИЙ:— На процессе развернулась отвратительнейшая картина преступлений, предательств, крови, измен и в этой картине я занимаю определенное место, место, которое правильно квалифицировано на языке уголовного кодекса статьями, выраженными в обвинительном заключении и вчера подчеркнуто, как подтверждение после судебного следствия, Государственным обвинителем. Я сегодня стою перед вами, как государственный преступник, предатель, изменник.

Нельзя не задать себе вопроса в тысячный раз, а на сей раз перед вами, граждане судьи, а в вашем лице перед тем классом, который меня породил, который меня воспитал,— как же это так случилось? Это не шаблонный вопрос. На него нужно ответить и когда я очень много раз этот вопрос передумывал, я себе дал следующий ответ.

Логика борьбы, это действительно общее, что на мой взгляд очень мало объясняет. Ведь логика борьбы вовсе не всегда должна довести до тех омерзительных преступлений, до которых в данном случае эта, так называемая, логика довела меня и других подсудимых.

Вот я вижу следующие несколько причин, о которых я считаю необходимым здесь изложить вам, граждане судьи,

Ведь началось как будто с невинного на первый взгляд пустячка. В 1931 году группа троцкистов во главе с Троцким, из них часть сидит вместе со мною на скамье подсудимых, составила так называемое письмо 46, в котором были заложены уже все элементы того, к чему мы пришли. И я помню свое ощущение и мне кажется, что это не только мое, когда я подписывал это письмо. Вот передо мною были авторитетные товарищи большевики, занимающие очень ответственные места, ответственное положение в партии, в Государстве.

...и я, забыв о том— о чем неоднократно учил партию Ленин, что на одних авторитетах, только на словах^х верить нельзя, он учил разбираться добросовестно ~~разбираться~~ во всех документах спорных для того, чтобы выносить свое мнение. Вот эти авторитеты, вот это слепое доверие к так называемым авторитетам, я лично вижу в своем не только глубоком, но и окончательном падении.

Второе, вторая причина, это опять таки забвение одного из основных в партийном строительстве заветов Ленина, это по вопросу о том, что раз сбившись с пути, раз ошибившись, нельзя упорствовать и настаивать на ошибках, ибо, как правильно вчера упомянул государственный обвинитель, это может привести и приводит, как это нас привело, в фашистское контр-революционное болото.

И, наконец, третья причина. Я считаю необходимым о ней еще раз сказать я об этом говорил в своих показаниях здесь на суде. Это система обмана, система постоянного обмана и я должен сказать, что обман вовсе не обнаруживается у Троцкого и у его ближайших соратников ^{только} в 1934 и в 1935 году, когда скрыли так называемые директивы. Вот когда анализируешь весь этот период борьбы, то видишь, что этот обман проводился очень часто. Я должен сказать суду. Почему я говорю об обмане, я скажу дальше. Я должен сказать суду, что например для многих из нас, — троцкистов, в том числе и для меня, которые были тогда в Москве и были довольно близки и к Троцкому и к его ближайшим соратникам, для нас было неожиданностью вынесение антисоветской тогда уже борьбы на улицу 7-го Ноября 1927 года. Они скрыли от нас это и мы встали уже перед фактом самой демонстрации, встали перед фактом, перед необходимостью драться за этот нелепый, за этот преступный антисоветский шаг, за первую попытку вынести борьбу на улицу. Я об этом упоминал для того, чтобы сказать, что это не случайно. Это метод, это система и ^{это} подчеркиваю еще раз сегодня потому, что ведь Троцкий еще жив, ядовитое жало еще ведь не вырвано, он продолжает сегодня обманывать не только своих сторонников, но, к счастью безуспешно,

57

старается обманывать и рабочих. В нашей стране это ему не удастся, но в той или иной мере это может ведь ему удастся и в других странах. И вот разоблачение этого обмана - это есть величайшая необходимость. И я так же считаю одной из причин падения такого глубокого и такого окончательного, вот эту систему обмана. Заверяю Вас, граждане судьбы, что я говорю об этом не для того, чтобы найти смягчающие вину обстоятельства, обстоятельства, смягчающие мою личную вину, я не знаю, как их искать, где их найти, хотя, не скрою, я бы их хотел найти и я бы хотел, чтобы вы - граждане судьбы - помогли бы мне найти их. (Движение, смех в зале) . Я хочу, чтобы вы помогли найти их, да, разобравшись во всем этом деле. Но на этом я не считаю возможным не заострить ваше внимание - на этой системе обмана и предостарейть каждого, кто еще не убедился в этом обмане, что эта система является роковой, как она явилась роковой и для меня .

МК - АИ

Само собой разумеется, что много ничего нельзя сказать, кроме того, что вдохновителем, организатором всей этой преступной нашей деятельности являлся Троцкий, и задача его разоблачения, всестороннего и окончательного - это является основной задачей, кроме той задачи, чтобы найти конкретных преступников, его сообщников здесь у нас в стране.

Граждане судьи, когда вы подойдете к вопросу о наказании для меня, я прошу вас учесть следующее: я уже человек уже не молодой, - пошел шестой десяток лет, и не все эти годы наполнены у меня преступным содержанием. Меня партия знала как преданного борца и с винтовкой в руке в партизанских красногвардейских отрядах, и на фронте советского строительства, на хозяйственном фронте.

Я говорю это не для того, чтобы этой своей работой что-нибудь вымолить себе. Эта работа мною многократно перекрыта теми отвратительными преступлениями, которые я делаю, - но я это говорю вот для чего. Когда я ставлю перед собой вопрос, действительно-ли я в конце закоренелый и неисправимый преступник, - я отвечаю себе: не может этого быть, нет /смех в зале/, звонок председателя/... и это дает мне право просить снисхождения, просить пощады.

Когда я ставлю перед собой вопрос о том, что совсем еще недавно я проводил большую и честную работу, это также мне дает право просить вас о снисхождении.

И когда стоит вопрос о конце, я об одном прошу вас, граждане судьи: дайте мне возможность, умирая естественной смертью, те годы, которые мне еще осталось жить, дайте мне возможность работой любой, в любом месте хоть сколько-нибудь загладить те преступления, которые я совершил перед страной, перед рабочим классом.

Правильно вчера говорил государственный обвинитель: страна наша сильна, могуча; своими гнусными преступлениями мы не могли повлиять ни на йоту на победоносный ход революции в нашей стране. И вот в этом свете, на этом фоне, я прошу вас дать мне возможность, сколько у меня хватит сил---, хоть сколько-нибудь загладить все свои преступления, искупить свои преступления. Вот почему я прошу найти для меня снисхождение. Вот почему я прошу сохранить мою жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово имеет подсудимый Дробнисе.

Неправленная
29/1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово предоставляется ДРОБНИСУ.

ДРОБНИС - Вчера государственный обвинитель с исчерпывающей полнотой дал оценку всем моим тягчайшим преступлениям. И вот я - рабочий, сапожник, с 15-ти лет ставший активным революционером, членом партии, прошедший через 6-ти летний срок царской тюрьмы, переживший 3 расстрела, оказался в качестве тяжкого преступника, изменника своей родине на скамье подсудимых.

Воспитанный и вскормленный своим рабочим классом, я стал против этого класса, как самый злейший враг и предатель его. Я нагромождал одно преступление за другим и расчищал путь Троцкому, который предавал и продавал опыт и в розницу социалистическую страну, рабочий класс, форсируя кровопролитную войну.

Все это произошло потому, что я долгие году продолжал жить в затхлом вонючем, смрадном, зловонном троцкистском подпольи. Я дышал этим отравленным воздухом и даже тогда, когда я вот, например, уехал в Среднюю Азию, уклонился от активной деятельности. У меня не хватило достаточно стойкости и воли, чтобы окончательно порвать, и по первому зову запасного центра я перебрасываюсь в качестве подкрепления в Западную Сибирь для того, чтобы творить гнусные, омерзительные преступления, не ^{от}давая себе отчета ясного, во имя чего.

Ослепленный, я творил эти мерзости и гнусности на стройке, где я работал. Я видел энтузиазм и преданность рабочих, это меня вовлекало, а темная сила отвлекала.

Арест и тюрьма - были тем чистилещем, которое дало мне возможность окончательно вынести, выпотрошить из себя всю эту гнусь. И это делал

со всей решительностью, со всей твердостью и последовательностью.

Государственный обвинитель вчера справедливо выражал сомнение.

Я прошу мне верить^Вто.....

56

Неправлено

МП-ЕЧ

867.

Я прошу мне верить, что я очистился и вымел из всех закоулков своего сознания этот гнилой смрадный троцкизм, я беспощадно с ним расправился. Следственные власти могут подтвердить, что я иногда поторапливал в этом отношении, не давая себе передышки, для того, чтобы окончательно, бесповоротно и в конец с этим разделаться.

Мне 46 лет. Незадолго до моего ареста исполнилось 30 лет моего пребывания в рядах партии. Я стал отверженным, проклятым сыном трудящихся масс. Суд вынесет мне приговор. Как бы суров он ни был, я его приму, как должное и заслуженное. Но если, граждане судьи, у вас найдется хоть малейшая возможность дать мне умереть не позорной смертью, а пройдя все тяжкие испытания, вернуть меня в ряды того класса, из которого я вышел, — я буду почитать для себя великой и священной обязанностью этот удар трудового народа оправдать полностью, целиком и служить ему до самой своей кончины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Последнее слово имеет подсудимый Муралов.

МУРАЛОВ — Я отказался от защитника, я отказался от защиты, потому что я привык защищаться годным оружием, и нападать. У меня нет годного оружия, чтобы защищаться.

Вчера государственный обвинитель усумнился в нашей искренности, в искренности наших показаний. Я отнес это и по своему адресу, потому что, конечно, вполне законное сомнение по отношению к преступникам. Но я заверяю суд, что ни на следствии, ни здесь на суде в своих показаниях я ничего не скрыл и дал исчерпывающие сведения по своей преступной деятельности и дал соответствующую оценку. Я уже упоминал о том, как я пришел к этому заключению. Я боролся долго с собою, Я вспомнил изречения великих вождей марксизма, изречение умнейшего человека древности, жившего за ~~исчисленные~~ сотни лет до нашего времени, который сказал: —

Неправлено

МШ-ЕЧ

868.

"Каждому человеку свойственно ошибаться, но глупец тот, который не создает своих ошибок", а я добавлю - и преступлений. Я не хотел оставаться глупцом, я не хотел оставаться преступником, ибо, если бы я заперся, я был бы знаменем для контрреволюционных элементов, еще имеющихся, к сожалению, на территории советской республики.

58

Неправлено.

ВО/ВМ.

- 869 -

Я не хотел быть корнем, от которого росли бы ядовитые отростки. Я не хотел быть тем семенем, от которого росла бы не благодатная пшеница, а ядовитый ...ень, вот что заставило меня, и старая большевистская закалка, признать все мои преступления, и вот почему я ничего не скрывал и не скрываю. Было бы непристойно мне обвинять кого нибудь в вовлечении меня в троцкистскую организацию. Хотя я вышел из бедной трудовой семьи и пробился своим горбом и к образованию и к положению, и когда вступал в рабочие кружки в 1899 году и в партию в 1905 году и в последующей своей деятельности, я был сознательным, развитым, образованным человеком, тем более, к тому моменту, когда начался троцкизм. В этом я не смею никого обвинять, в этом я сам виноват, это моя вина, это моя беда.

Свыше десяти лет я был верным солдатом Троцкого, этого злодея рабочего движения, этого агента фашистов, врага рабочего класса и Советского Союза, достойного всякого презрения. Но ведь свыше двух десятков лет я был верным солдатом большевистской партии. Вот эти все обстоятельства заставили меня все честно сказать и рассказать и на следствии и на суде. Это не мои пустые слова потому, что я привык быть верным в прежнее время, в лучшее время моей жизни, верным солдатом революции, другом рабочего класса. И эти мои чистосердечные показания я прошу учесть при вынесении мне того или иного приговора.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово имеет подсудимый Норкин.

НОРКИН - На следствии я все без утайки рассказал о своих преступлениях. Я совершенно раскаялся. Все мои показания совершенно искренними и точны. Этого достаточно для того, чтобы суд мог, разобравшись во всех деталях и обстоятельствах, принять необходи-

59
Неправлено.

ВО/ВМ

- 870 -

мое решение. Если суд найдет какие либо обстоятельства достаточными для того, чтобы смягчить оценку и пощадить мою жизнь, я заявляю, что буду с величайшей жадностью накапливать силы в надежде отдать свои силы в борьбе с фашизмом. А на случай другого решения, на случай, если мое слово на суде - последний акт моей жизни, я хочу воспользоваться им для того, чтобы передать kloкочущее мое презрение и ненависть к Троцкому. Его много, чтобы Троцкий мог его щедро разделить со своими партнерами и действительными хозяевами фашистских генштабов и разведок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Последнее слово имеет подсудимый ШЕСТОВ.

ШЕСТОВ:— Граждане судьи, 13 лет я был членом контрреволюционной троцкистской террористической, подрывной и фашистской организации. Последние пять лет активно подготовлял, пытался убивать вождей трудового народа, вождей рабочего класса и угнетенных капиталистического мира. Последние пять лет активно на шахтах, рудниках Кузнецкого бассейна вел разрушительную подрывную работу. Последние пять лет я был изменником, был агентом самого реакционнейшего отряда мировой буржуазии, агентом немецкого фашизма.

Что меня, бывшего рабочего, сына трудовой семьи, заставило быть в организации убийц, в организации изменников социалистической родины? Не скрою, с 1923 года шаг за шагом, со ступеньки на ступеньку, я поднимался все выше и выше и приблизился к организатору фашистской агентуры — Троцкому, к его ближайшим лидерам Седову, Смирнову, Пятакову. Мое с ними знакомство, сближение, в особенности последняя встреча в 1931 г. и их ко мне внимание прельстили меня и я целиком и полностью отдался контрреволюционной террористической и шпионской деятельности. В 1923 г. впервые я изменил рабочему классу. В 1923 г. впервые начал бороться с партией, во главе которой стоит Сталин и в своих крепких, цепких руках держит и несет знамя Маркса-Энгельса-Ленина. Я применял в этой борьбе все мерзкое, все грязные, все подрывные методы. Я здесь перед вами весь. Я рассказал все, что меня привело на скамью подсудимых. Я сдался не в первый день моего ареста. В течение пяти недель я отпирался, в течение пяти недель мне пред"являли факт за фактом, — фотографии моей издешней подлой работы и когда я оглянулся назад, я сам ужаснулся того, что я наделал.

Не убитая еще частичка сохранившейся рабочей совести, совести трудового народа, заставила меня сказать правду и я решил, как блудный сын, пойти к братьям по классу и рассказать все, что я знал, что я делал/смея в за-
ле/.

Неправлено

29/1.

- 873 - 874 -

Стен.О.К.
Маш.А.И.

Там в Сибири, в управлении НКВД, на предварительном следствии, в камере № 23 я частенько дрожал, как осиновый лист перед своими преступлениями и вот это дало мне здесь то спокойствие, с которым я рассказывал Вам о своей преступной деятельности. Я знал на что шел, я знал куда я иду и я знал, что меня ожидает, если будет провал организации, которой я руководил. Пощады не прошу. Снисхождения мне не надо. Пролетарский суд не должен и не может щадить мою жизнь. Здесь перед вами, перед лицом всего трудового народа, перед лицом угнетенных капитализмом всех стран я, в силу своих способностей, расстреливал идеологию, в плену которой был 13 лет. И теперь я хочу одного: с тем же спокойствием встать на место казни и своею кровью смыть пятно изменника родины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Последнее слово имеет подсудимый Строилов.

СТРОИЛОВ: Моими личными признаниями, а также тем исчерпывающим анализом, который в своей речи сделал государственный обвинитель, полностью представлены и доказаны мои преступления и вся тяжесть моей вины, которым нет оправдания. Изменив родине, на первое время в небольших делах, я покати́лся вниз, сделавшись агентом германской разведки и выполняя ее гнусные задания. Вместе с этим, не будучи никогда в партии, не будучи никогда троцкистом, я сделался и агентом троцкистов, задания которых нисколько не отличались, а част^о превышали задания германской разведки. Хотя вся моя преступная работа была следствием этого двойного пресса на меня, я не могу ни в какой мере уменьшить мои преступления и тяжесть моей вины, которая перед страной очень велика. Это еще увеличивается и усиливается тем, что партия и правительство относились ко мне очень хорошо. Это выражалось и в общественном положении, это выражалось и в поощрениях и в предоставлении ряда наград...

Это выражалось в том, что я был поставлен на самую для беспартийного инженера ответственнейшую должность в стране. Мне были созданы такие благоприятные материально-бытовые условия, что это в несколько раз превышало понятие зажиточной жизни даже в буквальном смысле. Но я пытался в начале 1934 г. порвать мои преступные связи с разведкой враждебного государства и встретил ярое сопротивление сибирского центра троцкистской организации, предложившего мне продолжать совместную работу.

Мне было непонятно тогда, откуда такая родственность германской разведки и троцкистов, так как мне не была известна ни так называемая платформа, ни так называемая политическая задача, которую ставил параллельный центр.

Сейчас на суде мне стало понятно, что это являются родственными людьми, родственными по своим методам работы, решившими распространять территории Советского Союза.

Я как должностное лицо и также как вообще видевший возрастание вредительской работы в резкой ее форме проявления, пытался в ряде случаев провести организационно-технические производственные мероприятия в жизнь с пользой их для дела. И тут опять я наткнулся на пронувание представителей троцкистской организации, упрекнувших меня и в либерализме, и в интеллигентине и т.д., и я продолжал эту работу вести. И если я с германской разведкой и в целом с иностранным государством порвал всякую связь во второй половине 1935 г., то тяготение троцкистов сказывалось дальше. И эта двойственность все время сопровождала меня. С одной стороны я выполнял задания, исходившие из источника троцкистско-зиновьевского центра. С другой стороны, видя прекрасное отношение ко мне общественности, партии и правительства, чувствовал, что это вредительство противно духу созидания, понятного мне как инженеру. Я не мог не проводить ряд мероприятий, которые выходили за рамки моей должности, как главно-

го инженера треста. Мною изданы в печати впервые в Союзе ряд технических трудов. Я предложил ряд изобретений и часть из них осуществлена не только в массовом масштабе в Кузнецком бассейне, но начинает осуществляться и в других трестах каменно-угольной промышленности, сохраняя жизнь рабочим и давая большие экономические и технические преимущества.

Неправленная.

29/1.

В конце февраля 1936 года я твердо решил оставить совершенно Кузнецкий бассейн и уехать. Но говоря об этом только по служебной линии, хозяйственно, я встретил возражения и в Новосибирске, и в Москве и вынужден был остаться снова там в Кузбассе, испытывая на себе преступные связи с троцкистами.

Я не буду перечислять всех моих преступлений по вредительской работе. Они велики и обширны и им и на предварительном следствии и прокурором поддана черта. Но я вижу за этой чертой огромный итог моих преступлений, вижу огромный счет, который предъявляет мне советская страна.

Но я прошу суд при вынесении приговора мне учесть, что по классовому своему происхождению, как из мелкоземельных крестьян, по своему стажу, начиная лишь с 1921 года, т.е. не имея никакого стажа в капиталистическом обществе и по своей натуре я не чужд пролетариату и совершенно не враждебен советской власти (в зале смех).

Если я так низко пал, изменив родине, то это падение было не на родине, это падение было за границей (в зале смех). .. в результате целой цепи провокаций, слежек, равным образом и контакта с троцкистами, которые вызывались исключительно шантажем и вымогательствами с их стороны.

Я точно также прошу учесть суд и то, что никакого отношения к террористической деятельности я никогда не имел. Я даже не знал о террористических актах и об их подготовке. Но моя вина и мои преступления огромны. Я в них полностью и искренне сознаюсь до конца.

Я прошу суд снисходительно отнестись ко мне, пощадить меня, сохранить мне жизнь. Я имею опыт и я приму все меры, мобилизовав свои знания и опыт к тому, чтобы продуктивной работой, созидательной работой хотя бы отчасти загладить свою величайшую вину перед пролетарским государством.

65

Я прошу верить искренности этого моего заявления и прошу, чтобы суд тем самым дал мне возможность снова вернуться в трудовую семью советских народов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Объявляется перерыв до 6 часов.

С Т Е Н О Г Р А М М АВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ПО ДЕЛУ "ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ЦЕНТРА"29 января 1937г.

КОМЕНДАНТ - Суд идет, прошу встать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.

Последнее слово имеет подсудимый Арнольд.

АРНОЛЬД - Граждане судьи, я с малолетства получил в наследие от царской России позорное клеймо "незаконнорожденный". Приспосабливаясь к жизни, которая оказалась такой путанной, я могу обвинять в этом только царскую Россию, капиталистическое общество, в котором я приспособился. В результате как это вышло - я, рабочий, родители мои - рабочие и я вдруг очутился в рядах троцкистов. Я уже на суде об этом говорил и еще подчеркиваю, что, имея слабое, низкое политическое развитие, я был не в состоянии разбираться в сложных вопросах политики, и в результате я очутился под влиянием таких сильных троцкистов и оказался членом их организации. Я принимал участие в преступлениях против передовых руководителей Партии и Правительства, поднимая на них руку. И я очень рад, что это мне не удалось. Я осознал свое гнусное преступление и сразу же уехал из Прокопьевска. Я старался искупить работой свой гнусный поступок. На предварительном следствии и здесь на суде я признался во всем, что во мне больше ничего грязного нет. Я никогда не чувствовал свою биографию такой чистой, какой она есть сейчас (смех в зале), после того, как я рассказал обо всем том, что было со мною. Граждане судьи я - еще не совсем потерянный человек. Я еще могу работать и быть полезным тому обществу из которого я сам вышел. Несмотря на то, что я совер-

Неправлено

МП-ВЯ

2/67
880.

шил большое преступление, несмотря на то, что прокурор требует высшей меры наказания в отношении, меня, я все таки прошу сохранить мне жизнь и я постараюсь ее оправдать не на словах, а на деле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово имеет подсудимый Дившиц.

ДИВШИЦ - Граждане судьи, обвинение, пред"явленное мне государственным обвинителем, усугубляется еще тем, что я из рабочих низов был поднят партией на высоту государственного управления - до заместителя Народного Комиссара Путей Сообщения. Я был окружен доверием партии, я был окружен доверием соратников Сталина - Кагановича. Я это доверие растоптал в контрреволюционном троцкистском болоте.

- 881 - 882 -

и стал на путь предательства и измены родине. Как это произошло, как я погряз в контрреволюционном блоке. Начав с несогласия с партией и поддержки Троцкого по важнейшему, по решающему вопросу нашей пролетарской революции - строительства социализма в нашей стране, логикой борьбы, шаг за шагом от фракционной работы к подпольной, от подпольной к вредительству, диверсии и измене родине. Я не могу считать, я не могу ссылаться на то, что я не знал всей программы Троцкого и центра, хотя в действительности всей программы, которая раскрылась на этом процессе я не знал. Факт остается фактом, что Троцкий является организатором, вдохновителем восстановления капитализма в нашей стране. Троцкий подготавливает вместе с самыми оголтелыми, самыми черными силами фашизма войну и поражение в этой войне СССР, а я в этой подлой предательской работе ему помогал, так дошел до последней черты, последняя черта подводится на этом процессе.

Граждане судьи, я прошу при рассмотрении всего обвинительного и следственного материала учесть, что мне 40 лет, жизнь моя наполнена не только преступлениями, я был преданным партии, рабочему классу и революции много лет, я работал честно и преданно, я не считаю себя окончательно погибшим, я считаю себя еще способным честно служить рабочему классу и революции. Это дает мне право просить суд пролетарский, суд советский, -сохранить мне жизнь, дать мне возможность честной работой хотя бы отчасти искупить свои чудовищные преступления. Об этой пощаде я и прошу пролетарский суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово имеет подсудимый **КНЯЗЕВ**.

КНЯЗЕВ - Вчера я слушал речь государственного обвинителя с исключительным вниманием и напряжением.

469

Несмотря на то, что она была суровой, но я, честно говоря, должен прямо и мужественно сказать, что она была справедливой. Так, как квалифицировал гр-н обвинитель мои выступления перед партией и родиной, я могу лишь только одно здесь сказать, что ни в одном своем шаге, ни в один момент моей 2 1/2-летней преступной работы в троцкистской организации в связи с японцами, я никогда не преследовал личных целей и личных интересов. В этом отношении моя совесть чиста. Да, я больше скажу того, что сказал гр-н государственный обвинитель. Я работал над подготовкой войны. По-просту говоря над ее приближением для того, чтобы расчистить путь, развязать путь прихода к власти подлецу Троцкому. За 2 1/2 года я пережил много тяжелых минут, но то, что я услышал на суде, как наш центр торговал оптом и в розницу территория Советского Союза, при всем том, что я много пережил тяжелого, я прямо скажу, что у меня волосы дыбом встали. /Движение в зале, смех./

Я не политик, это верно, но и не политический невежда. Я прекрасно понимаю, что такое отдать Украину, что такое отдать Приморье и Приамурье. Не хватало еще одного добавить, а это, очевидно, вытекало из дальнейшей концепции, как я понял из всех обвинений - еще отдать Бакинскую и Грозненскую нефть и железные дороги, тогда со всем была бы Россия первоклассной колонией германского фашизма.

570

Я прекрасно понимаю, что всякое политическое могущество любого государства прежде всего основывается на его экономическом базисе. И кто может, кроме отявленного человека, дошедшего до этой аптовой и розничной торговли, превратившегося в самого первосортного фашиста, так поступать?

Если бы ктонибудь из нас - работников периферии, которые верили центру, это узнали, здесь не место для трагических слов, но я прямо заявляю, что у реальных политиков первым долгом не оказалось бы бороды. Очевидно, что мы вместе бы пришли в НКВД. Но сейчас нас привели.

Я искренне заявляю, что я к этой преступной торговле государством непричастен, и заявляю, что Лившиц никогда мне об этом не говорил.

Я хочу еще сказать о крушениях на транспорте.

Гражданин государственный обвинитель совершенно правильно сказал, что вся сила нашей подрывной, вредительской, диверсионной работы сосредотачивалась на крушениях. Почему спрашивается? Крушения и аварии на транспорте - это то место, где могут вредители, диверсанты, классовые враги безнаказанно проводить свою работу, будучи необнаруженными.

Это происходит потому, что несмотря на огромную созидательную и творческую работу, которую проделал Лазарь Моисеевич за полтора с небольшим года по работе на транспорте, в сознании ряда работников и большого числа специалистов не изжито понятие, что без крушений и аварий на транспорте работать нельзя, что крушения и аварии являются неизбежным следствием или спутником сложного производственного процесса на транспорте. Вот в этом, я бы сказал, убеждении и психологическом господстве теории, которая еще существует и, повторяю, полностью не изжита, находят себе место и враги.

... нашли мы тоже в этой области свою вредительскую работу.

Граждане судьи, моя биография неразрывно связана со всей нашей революцией. Я поднялся до больших постов начальника ответственных дорог и был два раза по существу техническим руководителем самого ответственного на транспорте управления - эксплуатационного управления. Во времена еще Феликса Эдмундовича Дзержинского, который меня очень близко держал у себя; работал я с ним вместе на транспорте; первый я заключил по его поручению соглашение о международном сообщении с иностранными державами.

Поднявшись до больших постов, я пользовался исключительным доверием и партии, и правительства, и Лазаря Моисеевича Кагановича. Я искренне скажу, что эти полтора года, когда мне приходилось не раз встречаться с Лазарем Моисеевичем один на один, у нас было много разговоров и всегда в этих разговорах я переживал чудовищную боль, когда Лазарь Моисеевич всегда мне говорил: "я тебя знаю, как работника железнодорожника, знающего транспорт и с теоретической и с практической стороны, но почему я не чувствую у тебя того размаха, который я вправе от тебя потребовать"? Этот размах находился во власти моей преступной работы и, повторяю, надо было нечеловеческое усилие, чтобы пройти эти разговоры. Но мужества признаться не хватило.

На этом процессе, как и на предварительном следствии, так и здесь на суде я старался искренне и до конца признать все, без всяких и тому понуждений, с первого дня, как началось следствие. И я чувствую, что до конца своего процесса я выполнил, ибо при всей ^{это} строгости квалификации моих преступлений и государственного обвинителя, он не мог исключить признания того, что мои показания отличаются добросовестностью. Я прошу граждан судей эту искренность мою учесть.

72

Неправленная.

Я прошу также учесть при решении моей судьбы и мое заявление, которое я подал перед началом следствия, где я писал, что если мне будет сохранена жизнь, то я всеми силами, своими знаниями и преданностью постараюсь искупить все мои преступления и я еще раз подтверждаю, что я их искупаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово имеет подсудимый **ТУРОК**.

ТУРОК. - Граждане судьи! На троцкистский путь я встал в 1931 году и, конечно, логически с этого пути я уже в 1934 году, работая на Урале, встал на путь совершения прямых контрреволюционных вредительских действий и измены родине.

Я с этого времени активно участвовал в этой контрреволюционной практической работе, на практике осуществляя ту преступную программу, которую из заграницы давал Троцкий и наш центр.

Я должен здесь сказать, что если я к троцкизму примкнул в 1931 году случайно, то уже в 1934 году моя активная подлая работа уже не была случайной, поэтому она была и активной.

Граждане судьи, мне, которого обвинитель в своем обвинении назвал бандитом, сравнив меня, как и моих соратников по скамье подсудимых и по действиям с теми, кто на большой дороге стоит с кистенем и финкой, причем это название явилось следствием не случайно подобранного слова обвинителем, а явилось результатом тех преступных действий, которые я совершал.

Очень тяжело, конечно, просить у пролетарского суда, а по существу через у него советского народа, как изменнику, как бандиту снисхождения, но я должен заявить вам, не всю свою жизнь вел борьбу с партией, что я

8
73

- 890 -

а все более встал на явно контрреволюционный путь.

Из 20 лет моего пребывания в партии, я 14 лет честно и преданно служил делу революции. Я активно участвовал в гражданской войне, я имел правительственные награды. Конечно, граждане судьи, я не хочу сказать, что было бы чудовищным думать, что эти мои заслуги в прошлом в какой бы то ни было мере перекрывают те чудовищные преступления, которые я совершил и по которым я сейчас сужусь.

Неправлено

МП-ЕЧ

9 74
891.

...но эти мои небольшие заслуги говорят о том, что я все таки могу просить у вас снисхождения, которое бы дало мне возможность умереть не как агенту фашизма, а если бы мне была дарована жизнь, я своим упорным и честным трудом сумел бы вернуться обратно в лоно строителей, социализма. Я и прошу, граждане судьи, учесть это мое заявление. Я дал самые беспощадные и самые откровенные показания как о своей деятельности, так и о деятельности той организации, в которой я состоял. Я еще раз прошу, если возможно, учесть мое заявление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Последнее слово имеет подсудимый Ратайчак.

РАТАЙЧАК - Граждане судьи, тяжело говорить о всех преступлениях, совершенных каждым из нас, участников троцкистской контр-революционной организации. Особенно тяжело говорить сейчас, после исчерпывающей и правильной характеристики, данной государственным обвинителем всем действиям, совершенным этой контрреволюционной организацией, всеми сидящими здесь на скамье подсудимых и каждым в отдельности. Я на следствии дал исчерпывающие и искренние показания о всей той работе, которая проведена людьми по моим заданиям, я указал всех известных мне участников этой подлой организации для того, чтобы не оставить никаких хвостов или остатков, не оставить людей, которые хотя бы в малейшей мере были заражены гнилью этого троцкистского болота. Я не занимался никогда до связи с троцкистской организацией ни шпионажем, ни авантюризмом. Связав свою судьбу с этой контрреволюционной организацией, я стал агентом Троцкого, стал агентом фашизма. Грань здесь поставить очень трудно ~~и~~ ^{между} гранями агентами Троцкого и агентами фашизма нет. Я провел целый ряд ~~ф~~ актов и по моим заданиям их проводили люди, связанные со мною, чудовищных актов преступлений против партии, против советской власти, против советского народа. Уже в 1935 году стало

Неправлено

МП-ЕЧ

Н 75

892.

совершенно ясным, что вся эта борьба не есть борьба против руководителей партии и правительства...

...не есть борьба за изменение политики партии и правительства^о это есть борьба, самая настоящая борьба со всем русским народом, строящим свою новую жизнь, мы нашими руками фактически разрушали то, что создавалось честными строителями социализма. Мы подрывали, разрушали то, что русский народ создавал в течение многолетней жестокой борьбы за изменение жизни, за строительство социализма в Советском Союзе. Совершенно ясно стало, что эта борьба совершенно ничемна и что наши действия, преступные контрреволюционные действия ни в коей мере не могут изменить борьбу честных трудящихся Советского Союза за завершение социалистического строительства.

Каждый наш акт, совершенный на том или другом предприятии вызывал лишь новый энтузиазм в рабочем коллективе, каждый совершенный акт вызывал новую реакцию в работе предприятий, приводил к новым достижениям. Я в 1935 году фактически прекратил всякую активную работу в этой контрреволюционной организации. Но этого мало, освободившись от своих соучастников, перестав фактически проводить активную борьбу с партией и правительством и с народом, я не нашел в себе достаточно мужества для того, чтобы рассказать, вскрыть всю грязь и всю контрреволюционную работу, для того, чтобы с ней раз навсегда покончить. Я искал выхода, чтобы самому уйти от всякой связи с людьми, которые были связаны со мной и с которыми я был связан. Повторяю, что этого мало, до дня ареста я участников своей организации и своих преступлений не рассказал. Моя вина, также как и многих из нас, сидящих на скамье подсудимых, усугубляется тем, что я занимал довольно ответственный пост, руководящий пост в одной из наиболее важных отраслей промышленности. Моя вина усугубляется еще и тем, что я пользовался несом-

Неправлено.

12
ВО/ВМ 77

- 894 -

ненно и постоянно исключительным доверием со стороны нашего наркома тяжелой промышленности, со стороны партии и правительства. Я должен, естественно, как человек, занимавший ответственное положение, нести ответственность как рядовой член или участник всех этих преступлений.

1378

Я хочу только, граждане судьи, сказать, - я еще не окончательно потерянный человек. /Движение в зале, смех./ /Звонок Председателя/.

Я еще способен к труду и если суд найдет возможным сохранить мою жизнь, дать возможность честным трудом искупить вину перед Советской страной, работать над тем, чтобы в какой-то мере искупить все те преступления, которые мною совершены, я искренно и честно заявляю, что я смогу честным трудом в значительной мере свою вину искупить. Об этом я и прошу суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Последнее слово имеет подсудимый **ГРАФЕ**.

ГРАФЕ: Граждане судьи, я отказался от своего права на защиту и в своем последнем слове тоже не хочу распространяться о том, как я дошел до жизни такой, как скатился к предательству интересов трудящихся. Факты моей преступной работы слишком ярки и всякие попытки хотя бы об"яснить их могут, понятю, лишь отягчить мою участь. Я прошу суд поверить мне, что я полностью и целиком сознался в своих преступлениях перед трудящимися Советского Союза, что я ничего не скрыл и не старался преуменьшить своей вины. Я прошу лишь разрешить мне попытаться внести одну поправку в ту характеристику, которую дал мне здесь Государственный обвинитель. У меня в моей преступной работе были разные хозяева, в том числе и фашистская разведка и троцкисты. Была у меня, прошу поверить, попытка стать на другой путь, но одна разведка цеплялась за другую, я переходил из одних цепких лап в другие и, наконец, троцкист, фашистский разведчик Мейеровитц передал меня в руки троцкиста Ратайчака, но все же я не был Иудушкой - Троцкистом.

Потому, что я сам перед собою должен был стыдиться своего гнусного предательства и не мог, как это делают троцкисты, прикрывать его какой то идеологической надстройкой; какой то политической платформой .

Прошу суд учесть это, равно, как и мое полное и чистосердечное сознание в моих преступлениях и если возможно дать мне возможность честным трудом , хотя бы частично смягчить тот вред, который я принес своей преступной деятельностью.

Прошу еще раз поверить, что мои признания, как на суде, так и на следствии были исчерпывающие и правдивые, хотя бы потому, что я не мог нежелать освободиться от кошмара неминуемой ответственности, который надо мной тяготел в течение ряда лет .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет подсудимый Пушин.

ПУШИН: Граждане судьи! с полной откровенностью я рассказал на следствии и суде все, что известно мне о работе контрреволюционной троцкистской организации, рассказал и о своих собственных тяжких преступлениях. Я не утаил ничего от суда, желая в своем искреннем рассказе дать выход тому мучительному чувству моей вины перед моей родиной, чувству, которое накапливалось во мне по мере того, как я начал понимать истинную сущность и цели контрреволюционной троцкистской организации, и которое вылилось в чистосердечное признание .

И если я сейчас прошу суд о снисхождении, то только для того, чтобы если суд найдет возможным сохранить мне жизнь, отдать эту жизнь на честное служение на пользу моей родины и моего народа, доказав это не только словами признания и раскаяния, но и живым делом, практической работой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.